

№ 556

К Р О К О Д И Л

ЦЕНА 20 КОП.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

ДЕВЯТЫЙ ГОД
НОМЕР 23—24
АВГУСТ 1930
МОСКВА

№ 23—24

СПЕЦИАЛЬНЫЙ—
ТРАНСПОРТНЫЙ



НА ПОДЪЕМЕ

— Эх! Я думал, ты нам поможешь взять подъем, а тебя самого нужно подталкивать!

Рис. М. Черемных

600 ударников, поехавших на Магнитострой, были отправлены Моск.-казанской ж.-д. в самых невозможных условиях: в грязных вагонах из-под угля.



Ударники до ознакомления с Моск.-казанской жел. дорогой.



Они же — после ознакомления.

РАЗГОВОР С ТРАНСПОРТОМ

Эй, товарищ Транспорт! Подвезти, милый, тут кое-что требуется...

— Пожа, пожа!.. Далеко ли ехать-то?

— К концу пятилетки!..

— Можно. В лучшем виде доставим! На гражданский военный фронт возили, по разухе по самой — и то ничего. А к концу пятилетки — это мы враз! Сам понимаешь, — после восстановительного-то периода оно не в пример легче... Такую сейчас реконструкцию закатим, только держись!

— Но имей в виду, товарищ Транспорт, что ехать нужно побыстрее.

— Живой рукой. Ведь темпы-то нынче!.. Эх, и темпы! Насчет темпов — с понятием мы. По какой дороге поедем-то?

— Как так, по какой? По прямой, по Октябрьской. Генеральную линию, видишь? Вот ее и держись: ни влево ни вправо от ней!

— Ладно. А только навевался тут наемный господинчик один... Обходительный такой господинчик, умильный... «Обязательно, — говорит, — поправей надо взять: там, — говорит, — много вольготнее ехать, и ни темпов тебе ни беспокойства»...

— Даже и не воображай! Разве ты не знаешь, что там, направо, самый опасный уклон?.. Так поползешь назад, что никакие тормоза не удержат!

— Знаем. Это я так, к слову. По правой дорожке, по ней мелкобуржуазные либералы очень обожают кататься. Потряхивают себе полегоньку — шаг вперед, два назад да чак с малиновым вареньем прихлебывают... А я ведь рабочий класс везу!

— То-то, рабочий класс! Только медленно что-то везешь, товарищ! Нельзя ли быстрее?

— Куда ж уж быстрее! Ходче ходкого еду. Гляди-ка, темпы-то разверну... тпру! Тпру-у!

— Что случилось?

— Ничего не случилось, а только затор. Вроде как пробка. Видишь, вагоны с хлебом стоят? Было бы мне месяц назад узел этот разгрузить!.. Да позабыл за делами...

— Нельзя же так, товарищ Транспорт! Сколько времени потеряем!

— Поспеем. Не горим: спешить некуда. Живой рукой это мы... Видишь, двух недель не проканителались — и уж дальше поехали. Полным ходом сейчас пойдём... Т-пру-у!

— В чем дело?

— Крушение тут. Так и знал! Придется постоять, покуда расчистят. Покурим, что ли?

— Товарищ Транспорт, да когда же мы эдак доедем?..

— Поспеем. Не каплет над нами. Вот и поехали. Не ближний путь: шутка ли, за пять лет какой конец отмахать надо!.. А дорога тяжелая...

— Два года уже едем, а отехали совсем недалеко! Пешком — и то скорее!

— Да ведь дорога-то... Разве по такой дороге разгонишься? Подъем да подъем...

— Ты посмотри: и промышленность и коллективизация — все тебя обогнали! Отстаешь ты, товарищ дорогой, позорно отстаешь! А еще Транспорт!..

— Дорога-то, говорю... По такой дороге, да ежели к концу пятилетки, то не меньше шести годов надо положить. Это уж без лишнего! И так ведь гоню во всю гавриловскую... Тпру ты, окающая сила!.. Тпру-у!

— Что случилось?

— Так, вообще, гайки поразвинтились... Да и дорога, опять же... Какая уж тут езда? Постоять надо. Может, кому по дороге: подедет, возьмет на буксир... Подождем!

— Нет, брат, ждать некогда! Поезжай, а я тут у тебя кой-что почищу. Налажу тебе машину!

— Находу?..

— Находу. Останавливаться нельзя: времени нет! Действуй!.. Сейчас при-

ведем в порядок механику... Ну, как? Легче теперь?

— Кабыть, полегче пошло... Ого! Не сравнить! Как по-писанному пошло! Ты что сделал-то?

— Да пустяки. Аппарат тебе почистил как следует и гайки покрепче подкрутил. Только и всего.

— Было б тебе с самого бы начала... Эх, и ходко пошла машина!

— Доедем?

— За два года доедем! Дорога прямая, ровная, остановок не будет... Об чем разговор?..

Грамен.

ТРАНСПОРТНЫЕ МЫСЛИ ГРАЖДАНИНА САВЕЛИЯ ОКТЯБРЕВА

(В ожидании запоздавшего поезда)

Не потому ли транспорт отстает на под'еме, что нет под'ема на транспорте?

★

Железнодорожное полотно — не мануфактура, но и на нем иногда спекулируют.

★

Если мясо протухнет в пути — не называй его тушеным мясом.

★

Я полагал бы заменить название проводник словом «провозник», ибо проводники не столько провозают поезд, сколько провозят продукты.

★

Читая о росте крушений и происшествий на железных дорогах, я удивляюсь: откуда они берут столько стрелочников.

★

Тыше едешь — дальше от пятилетки будешь.

★

Не странно ли, что из всех рабочих изобретений на транспорте наиболее быстро и охотно применяются тормоза?

★

Интересно знать: сумеют ли при развитии аэротранспорта устраивать аэропробки в воздухе?

★

Поездные бригады двух столкнувшихся поездов вряд ли можно назвать ударными бригадами.

★

Перевести хлеб не так уж трудно, если сначала перевести головотяпов. Беспартийный пассажир Савелий Октябрев.



Самокритика на транспорте



Рисунки П. Белянина

СОБРАНИЕ проходило очень бурно. Тщательно называли Трамвай, пытавшийся взять на себя роль председателя, — его звонки заглушались ревом гудков и сирен. В помещении было густо накурено: Паровоз и Пароход все время дымили своей излюбленной угольной полукрупкой, Автобус нервно попыхивал бензиновой сигарой, и даже Мотоциклетка не отставала от других, — по-женски, не затягиваясь, она быстро фукала тоненькой зловонной папироской. Лошадь, которая давно бросила курить и перешла на пустой мундштук «Долой табак», беспрестанно отфыркивалась и чихала.

Превым говорил матерый, набивший на крушениях руку Паровоз:

— Товарищи! Я призываю вас к жестокой, беспощадной самокритике. Наше время требует напряжения всех транспортных сил как лошадиных, так и прочих. Мы должны с корнем вырвать старые, прогнившие лозунги, вроде: «Тише едешь — дальше будешь», «За морем телушка — полушка, да рубль перевоз» и т. д. Прежде всего я хочу остановиться на...



— Довольно останавливаться! И так останавливаетесь около каждого семафора! Наддай пару!

— Я хочу только углубиться...

— Носом в землю? Будет! Хватит! Поуглублялись — и довольно!

— Товарищи! Я хочу только осветить...

— Вы бы лучше вагоны как следует освещали! А то у вас до сих пор свечки воруют!

Паровоз тяжело вздохнул и от смущения выпустил пар:



— Пуфф! Товарищи, мне трудно так говорить. Я хотел только сказать в порядке самокритики, что железнодорожный транспорт ни в чем не виноват. Виноваты объективные причины, которые нужно изжить. Вообще же наш транспорт срочно нужно поставить на прочные рельсы, иначе мы заедем в тупик.

Тут поднялся невообразимый шум. Автобус и Грузовик кричали, что они не желают становиться ни на какие рельсы. Трамвай звенел, захлебываясь собственным голосом: «А пробки? Вы забыли о пробках?» Лошадь откровенно ржала и фыркала в копыто. А Мотоциклетка трещала ни к селу ни к городу: «Паровозы имеют тысячи километров полотна, а нам даже гудрон выдают по полкило на колесо».

Успокоились все лишь тогда, когда слово взял Аэроплан. Он поправил приколотый к левому крылу значок Осоавиахима и сказал:

— Товарищи! Нельзя допустить, чтобы железнодорожный узел становился мертвой петлей. Надо проветрить атмосферу на транспорте, надо расширить наши горизонты. Теперь, когда все идет на подъем, мы не можем снижаться, — мы должны подняться на высоту стоящих перед нами задач. Довольно ползать по земле, как черепахи!

Аэроплану почти не возражали и даже похлопали. И только Паровоз прогудел глухо и неприязненно:

— Ха-ха, видали мы таких! Как всегда, витает в облаках и строит воздушные замки! И вообще — хорошо поет, где-то сядет.

После Аэроплана на трибуну вышел обстоятельный, грузовой Пароход. Он вышел, слегка покачиваясь, и заговорил, посапывая носом:

— Наши прения, товарищи, надо направить в какое-то русло. Без этого ничего не выйдет. Крылатые слова предыдущего оратора я должен дополнить: узлы есть не только на железнодорогах, — есть и морские узлы, которые тоже находятся в запутанном состоянии. Чтобы не сесть на мель, нужно взять правильную линию. Нечего зря хлопотать парусами, нужно держать нос по ветру. У нас до сих пор еще многие плавают без руля и без ветрил, как говорится: «Плыви мой челн по воле волн». С этим надо покончить. При разных непорядках нечего прятать концы в воду. Надо уметь вовремя отдать концы. Если вы не хотите, чтобы к вам приставали, надо самим как следует приставать и причаливать и не допускать, чтобы вредители выходили сухими из воды.

Речь Парохода вызвала оживленные прения. И больше всех горячился Автомобиль-Грузовик:

— Я считаю, — гудел он, — что речь предыдущего оратора полна воды. Все, что он предлагает, — вилами на воде писано. Кроме того, он что-то чересчур подозрительно покачивался, и видно было, что ему — море по колено. Готов поклясться, что, отправляясь сюда, он разбил не мало склянок. Я считаю, что гражданин Пароход, да и прочие товарищи тоже, слишком высоко задирают нос...

— А вы — мелко плаваете!

— Легче на поворотах! — крикнул Грузовик. — Наша работа, протекающая в самых тяжелых условиях, должна быть поставлена значительно выше работы предыдущих товарищей...

Тут Грузовика перебил Трамвай:

— Бросьте пускать пыль в глаза! Вы, не желая становиться на рельсы, беспомощно торчите на каждом ухабе.

Грузовик вспыхнул:

— Это потому, что у нас нехватает запасных частей!

— Вот-вот. Я давно замечал, что у вас винтика нехватает.

— Товарищ! Я вас попрошу не переходить на личности!

— А что у вас есть в наличии, чтобы не переходить на личности? Пыхтеть-то всякий может! Грузоподъемность всего каких-нибудь полторы-две

тонны, а разорвется, как путный! Подвезли вы нам хлеб? Вы не подвозите, а подводите!

Грузовик слегка смутился:

— Товарищи! Я не виноват. Мне нехватает кадров.

— А нам, вы думаете, хватает? Да? Вы скажите лучше, сколько вы людей передавили? — прорычал Паровоз.

Грузовик пришел в ярость.

— Сам для частника овощи возил, а еще людей попрекает!

— Я хоть овощи, а ты директору тещу!

— Это не я, это Легковой!

— Все равно, одна лавочка!

— Нет, не одна! Категорически отмежевываюсь! Живу собственным трудом!

Все смешалось. Сквозь крики и шум ничего нельзя было разобрать. Кричали все разом, перебивая один другого. Автобус сгоряча заехал в бок трамваю. Трамвай вспыхнул и завонил на своем голосом. Тогда Лошадь, все время тихо сидевшая в углу, молча встала и мелкой рысцой направилась к выходу. Она вышла бы незамечен-



ной, если в дверях не столкнулась бы с Мотоциклеткой. Мотоциклетка закричала так громко, что все невольно притихли.

— Товарищи! Лошадь уходит! Она уходит, ничего не сказав. По-моему, это девертирство. Вы должны остаться, товарищ Лошадь, вы должны сказать свое слово, если вам дороги интересы транспорта.

Лошадь виновато тряхнула чолкой, смущенно поскребла копытом пол и сказала скромно и тихо среди внезапной тишины:

— Поговорите уж вы одни. Я не мастерица разговаривать, да и некогда мне, — работы много, хлеб надо перевозить.

И, махнувши хвостом, она удалилась. Заседание продолжалось.

Векун.





Вид транспорта, излюбленный правыми уклонистами.

ПОД ПАРАМИ

ПЕС ЕГО знает, но, по моему, старик вечно был пьян. Правда, пахло от него не водкой, а каким-то другим перегаром: угольной пылью, горячим смазочным маслом и чем-то горелым; правда, он клялся на чем-свет стоит, что не пьет ничего, кроме воды, но...

Какой-то урожденно грязный, с дико хриплым голосом, расхлябан-ными движениями, с каким-то хлопанием и скрипением внутри, он был собеседником мало приятным. Но с кем не заговоришь, ожидая запазды-вающего на два часа поезда, да еще на маленькой станции?

— Да, сынок! Так-то! Ты еще молодой, а я еще с его высокопре-восходительством господином Шуккиным хаживал... Да...

— А теперь, старик, спился?

— Говорю, кроме воды, ничего не пью. Вот механик мой, тот — да! В путь не пойдет, если без мухи. Вот, какой механик. Зато боевой — страсть! Шестнадцать выговоров имеет — и ничего, ходит с паровозами...

— За что выговоры?

— За пьянство, за несоблюдение, за разное... Разве все сосчитаешь? Сколько поездов погубил!..

— И держат на работе?

— Кому же не держать? Наша дорога, браток, такая, что лучше не-куда. Тут всех держат. А механик мой — боевой, что и говорить! И все у нас боевые. Намедни шли мы с товарным поездом. Сел мой механик и говорит: «Шут его знает, этот участок, — в жизни не ездил! Говорят, у него профиль мудреный». Как же ты, спрашиваю, поезд поведешь? «Делов-то, — говорит, — полдела! Не на таких водилах!» Выпил подку-лачника и двинул. А на меня ломота что-то напала, — в грудях теснит, бьет всего. Я с беспокойства и говорю механику: «Состав-то тяжеловат! Двенадцать лишних вагонов будто есть, — доведем ли?» А он опять плюет полным ртом: «Мне уж кондуктор говорил, да мы плюнули, — доведем!» Идем дальше, к станции ближе. Тяп-ляп за тормоза — не действуют. Ну, я опять к механику, — тормоза, мол, того! Он плюет и никаких: «Это не мое дело тормоза осматривать. Доведем!» Оно и вер-но, что не его дело! Нас пускало начальство, — все знало: и про лиш-ний груз, и про то, что механик профиля не знает, и про тормоза, что неисправные. Но так как все ребята боевые, то и решили: «доведет!»

— Ну, и что же?

— И ничего. Стали к станции подходить, а там уклон — отсюда до зав-трава. Тормоза не работают, поезд перегруженный, — так и прем на под-ный ход... Да! А на станции в те поры товарный поезд дуриком стал — все пути позагораживал. Вот дежурный по станции и говорит стрелоч-нику: «Добеги, мол, нехай осадит!» И спать лег. А стрелочнику охоты нет бежать. Вышел, глядит — кондуктор младший идет. «Все равно, — говорит ему, — тебе по дороге, — ваки там механику, нехай осадит!» Кондуктор до механика не дошел, а так покричал ему, — осаживай, мол! Ну, а тот ноль внимания, — мало ли ему что кричать будут! И стоим со своим составом поперек всей станции. А тут — мы на полном ходу. Кэ-эк ляснем, — куда годишься!

Старик прервал рассказ и закашлялся хрипом.

— И здорово покалечились?

— Ни пса! Мне грудь только разбило, а механику хоть бы что! Боевой!

— И больше никто не пострадал?

— Судили там кого-то.

— Ну, а ты-то долго лечился после этого?

— Где же долго? Это в мае было, а я опять с поездами хожу! Да и какое тут лечение? Разве нашего брата лечат? Так только, для цифров: вылечили, мол, на все сто процентов! Им сто процентов, а я, видишь, в каком виде гуляю? Смотреть стыдно на самого себя!

— Где же тебя так лечили?

— В Козлове, будь он не ладен! Даже не осмотрели толком всего, — сойдет, мол! Замазали, внутрь болезнь вогнали...

Издали переливисто засвистел кондуктор. Мой собеседник прислушался:

— Меня зовут! Да, брат... Нешто это лечение?

Кондуктор свистел долго и жадно.

— Эх, ему не терпится! Иду!!! — и вдруг заорал хриплым басом. — Ну, пока!

И паровоз Ц 807 протянул мне здоровенное грязное колесо:

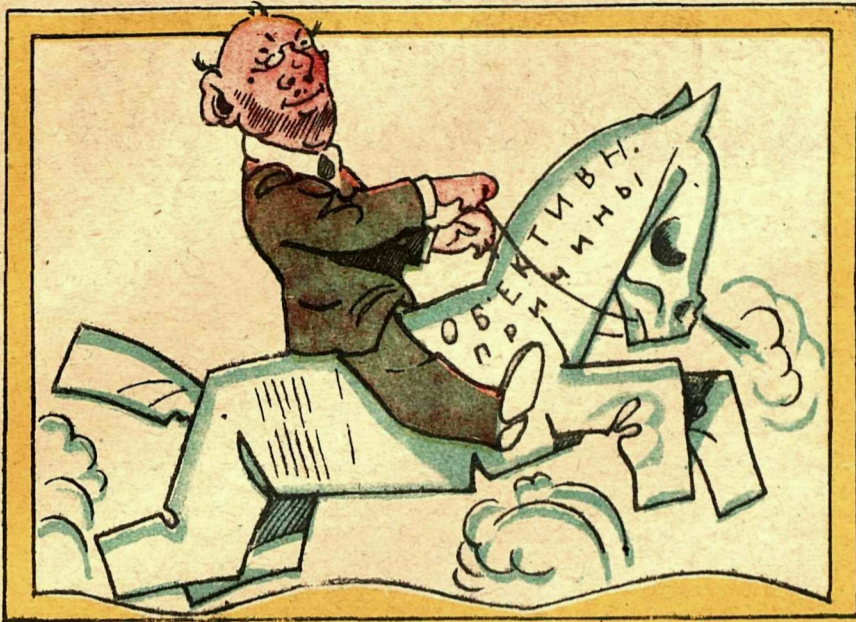
— Будь здоров! А в Козлов на паровозоремонтный лечиться не ходи!

Славные истории рассказал мне о порядках на Казанке паровоз. А лю-ди и еще лучше могли бы рассказать. Да молчат.

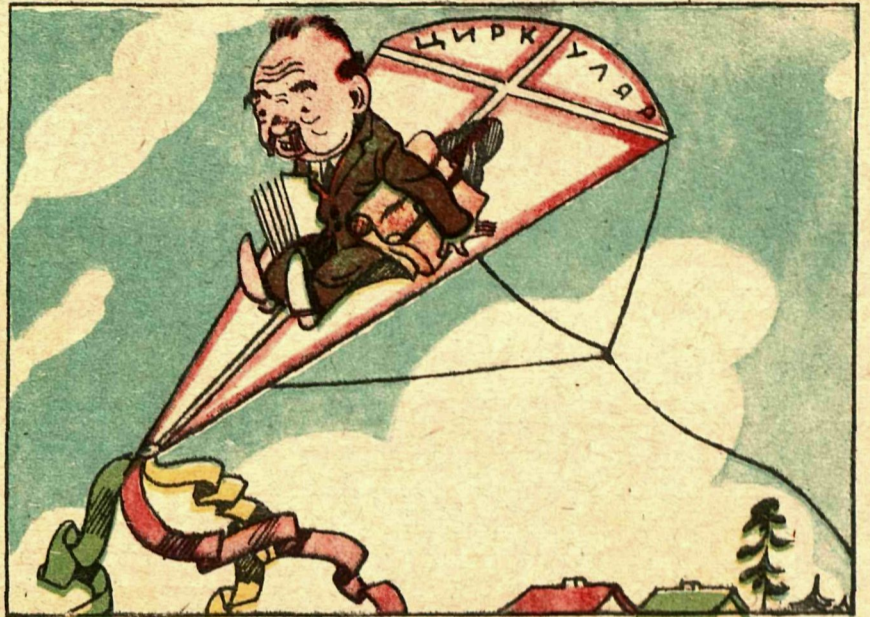
Вл. Павлов.

КТО НА ЧЕМ ВЫЕЗЖАЕТ

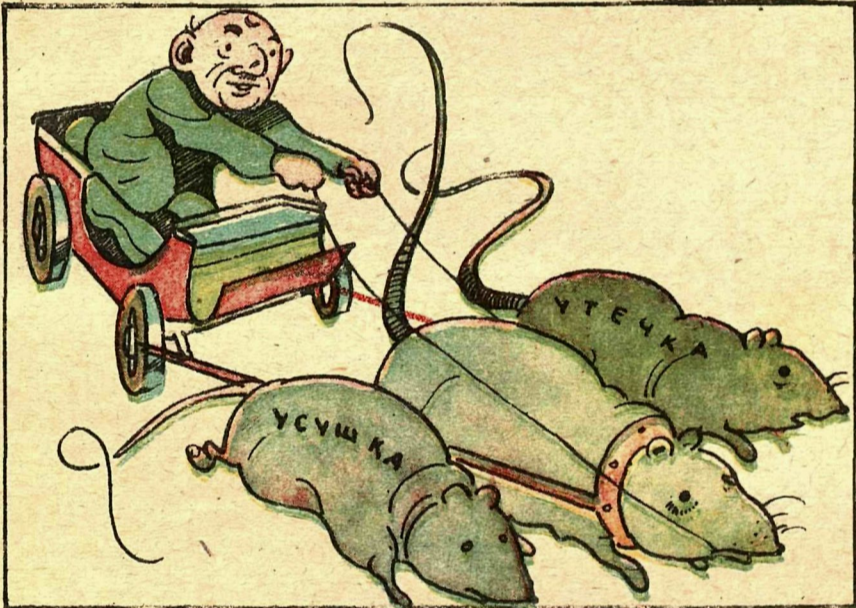
Рис. Ю. Ганфа



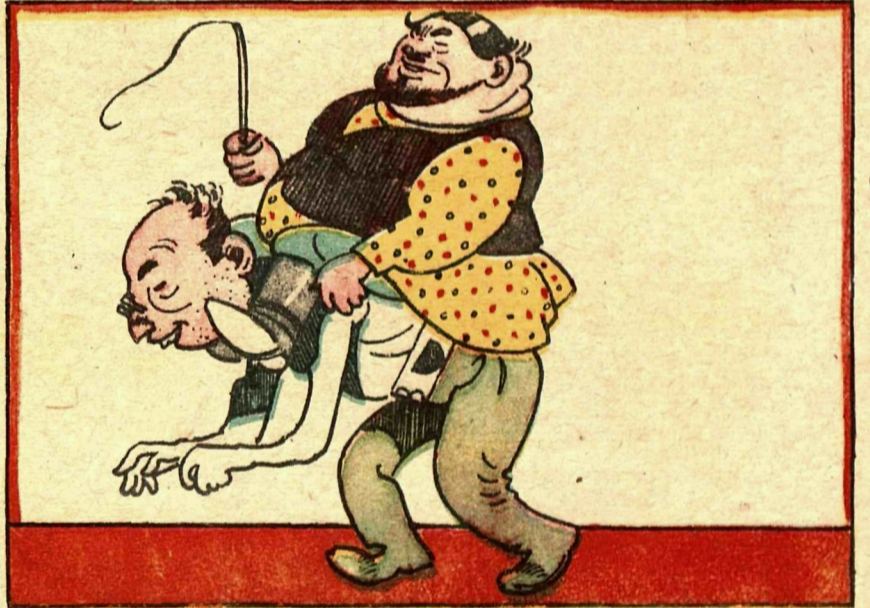
Хозяйственник — на своем любимом коньке.



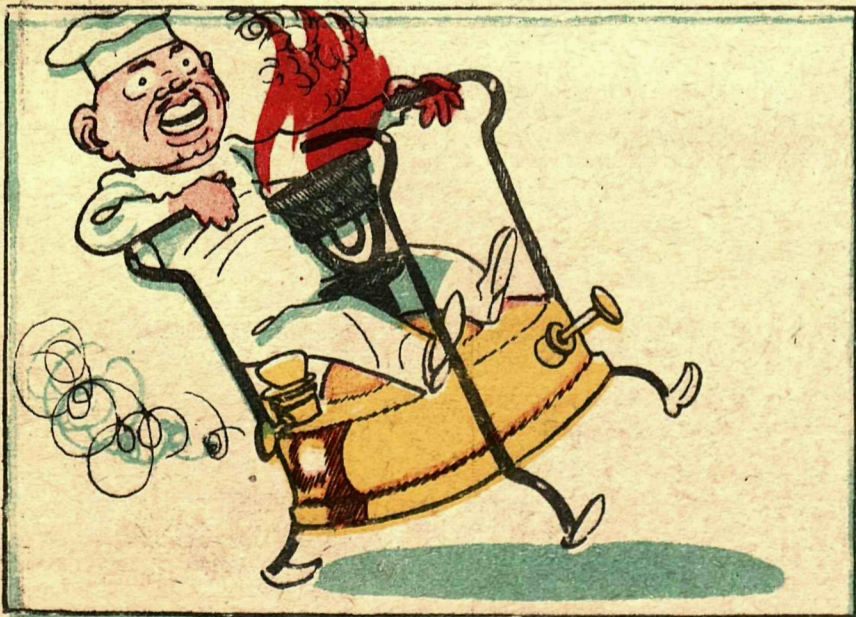
Профбюрократ — на бумажном аппарате.



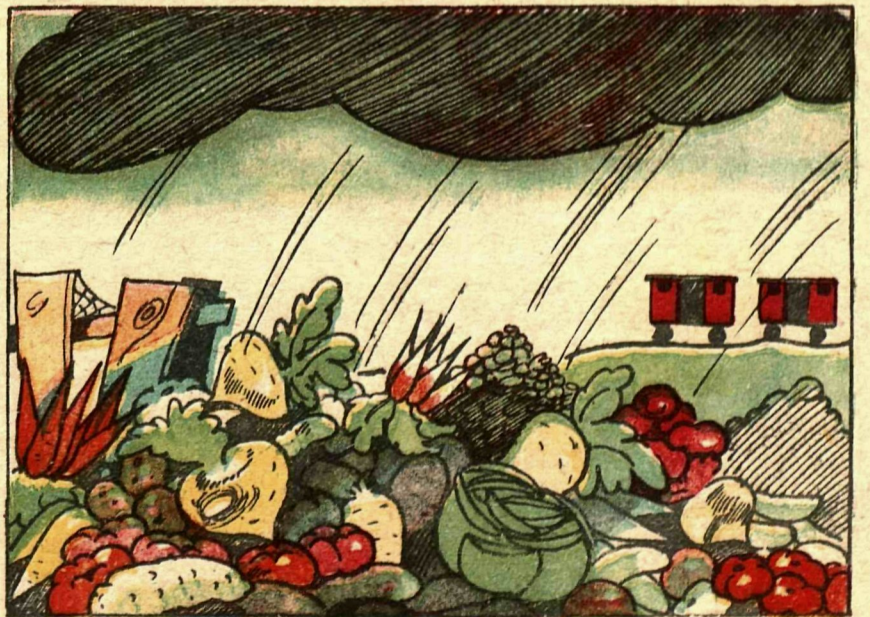
Кооператор — на домашних животных.



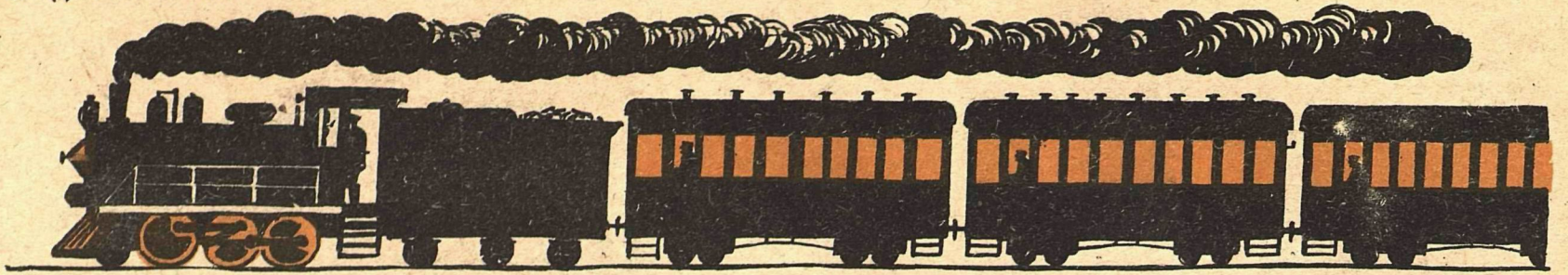
Кулак — на правом уклонище.



Общественное питание — все еще на примусе.



И только овощи, к сожалению, ни на чем не выезжают. А не худо бы...



К станции подходил пассажирский поезд, но... (См. рисунок внизу)

СТРАСТЬ К ПЕРЕДВИЖЕНИЮ

ИЗВЕСТНО, что значительная часть людей отличается непоседливостью.

Сидит человек на службе, размышляет о дивном устройстве природы, и вдруг ни с того ни с сего его кольнет:

— С'езжу в Майкоп к тетке. Говорят, там помидоры дешевые.

И едет.

Другого лихоманка тянет в Крым, на Волгу, на Кавказ. Там вместо отдыха он осложняет себе и другим и без того хлопотливую жизнь.

Третий едет совершенно бессознательно в Вятку. Лишь бы не пропал бесплатный билет, ежегодно доставаемый племянником Колькой.

Четвертые объединяются в буйные орды и носят экскурсионной саранчей, наводя повсюду данику и отчаяние.

Пятое... Э, да что говорить! Взгляните на переполненные вокзалы, поезда, пароходы, трамваи, автобусы и попробуйте объяснить: куда же это столько народу прет? Зачем?

И объяснить не сумеете.

Без надобности прут. Страстью к передвижению одержимы. Не сидит дома.

И больше бы перли, кабы не природа.

Природа любит равновесие. Если она создает какую-нибудь злоредную гусеницу, то одновременно создает и антагониста, врага гусеницы, какую-нибудь птичку или зверушку. Антагонист ставит предел размножению гусеницы.

Так и тут. В противовес ездунам природа создала транспортников.

Транспортники и ставили предел.

Они с давних времен вели беспощадную борьбу с людской страстью к передвижению.

Прежде наши пути сообщения даже назывались путями разобщения.

За много лет работники транспорта выработали целую систему перевоспитания пассажиров.

Каждый ездок прежде всего получал предупреждение.

Подходя к кассе, к трамваю, к автобусу, он сразу же наткнулся на препону, созданную служителями транспорта на предмет устранения.

Его ошарашивали давка, очередь, прикосновенность личности, бушующая неврастения.

— Куды прешь! Местов нет! — красноречиво говорила сама за себя картина.

Люди благоразумные приходили в себя и отступали, возвращаясь под кров мирной жизни.

Но отчаянное большинство не сдавалось и лезло.

С такими, конечно, не стеснялись.

Их запикивали в грязные, тесные вагоны. Морили духотой, холодом и жарой. Отдавали на растерзание клопам и кондукторам. Лишали багажа и человеческого достоинства. И если привозили, то со зверским опозданием.

— Скажи спасибо, что довели!

А то и не довозили. Желая вырвать страсть с корнем, разбивали пассажиров в лепешку вместе с паровозом и вагонами. Не жалея затрат, как говорится!

Специалистами по разбиванию пассажиров в лепешку издавна считались стрелочники.

Высшее начальство не спорило и бескорыстно приписывало им все случаи крушения, мягко именуемые происшествиями.

Однако ничто не смогло запугать пассажиров: геройская борьба транспортников желанных результатов не дала.

Ездуну победили.

В настоящее время страсть к передвижению уже признана законной.

Больше того! На транспортников, много лет борющихся с передвижениями, возложена обязанность содействовать им.

Такова ирония судьбы!

Б. Самсонов.

БАЛЛАДА О ТОВАРНОМ ВАГОНЕ

Оси точил коломенский токарь.
Был точен резец его голубой.
Малыш старательно вывел сбоку:
«Вагон № 1047-й».

Был первый лязг его буферов
Подобен первому крику ребенка.
И был он строг и был он здоров,
На стыках смеялся задорно и звонко.

Мечтал:
то в шуршащее море полей,
То к городам далеким он мчится,
Везя молчаливый взвод дизелей
Иль золото свежей пшеницы.

Мечтал...
но мало ли что кипит
Кровь у юности — легкой чайки!
Начальник поставил вагон в тупик.
И зашагал с баранками чай пить.

Потом приходил дядя пшавый,
Стучал молотком, вз-под усов
Пускал: — Пожалуй дойдет до Полтавы.

Осно-ва-тельное колесо!
Меж тем одуванчик между колес
На рельсе раскинул листья звездой,
Смело пророс, уверенно рос,
Расцвел и отцвел в тиши и покое.

В прохладе, в тени, под сенью ставни
Оброс одуванчик изрядной семейкой.
И если б вагон был мещанин,
Завел бы герань, кота, канарейку...

Но вздрагивал каждый вагона атом,
И крыша надувалась черною тучей.
Если б умел, так покрыл бы матом,
Но... вагоны ему не обучены.

И вдруг разрезал покой гудок,
И в буферах запутался ветры,
И слился в зеленый поющий поток
Стремительные километры.

Станция. Полон грузов перрон.
Вагон торжествует — душа нараслащ-ку,

Торжественно в темное лезут утро
Машины в брезентовых строгих рубашках.

И вновь — километров зеленый поток,
И сердце трепещет белою чайкой.
И вновь — начальник: вагон — в куток
И зашагал с баранками чай пить...

А трест, которому слали машины,
Тихо дремал под стук машинисток,
И лишь управдел (интересный муж-чина)

Плавал по бурному морю отписок.

И вдруг прорвался спокойный сон,
И смолот упор в порошок.
Не разбирая дороги, вагон
Сам в трест пошел.

Сердце рессорами заскрипел,
В прихожую влез он выстрела громче.
Шейндар едва промолвить успел:
Товарищ, сегодня прием окончен!

Но уж по лестнице лезет вагон,
Ступая колесами твердо и тяжело.
И испустила испуганный стон
Напудренная пишемашка.

И с управдела весь лак сошел,
Он не гордится высоким уж чином,
Без волокиты юркнул под стол
Обаятельнейший мужчина.

Из регистратора вылетел дух,
Умер, ощерясь уснувшей рыбой,
А у главбуха на лысине пух
Вырос, чтоб встать дыбом.

В священную дверь, куда без доклада
Входить не смел и сам управдел,
Вломился герой моей баллады,
Вагон разъяренный влетел.

И победил краснощекый зав,
В бумажных боях посевший витьязь,
Первый раз в жизни своей сказав
Посетителю скромно: — Садитесь!

Но этого жеста не оценив,
И даже отвернув рукопожатье,
Тяжелые двери с лязгом раскрыв,
Вагон проревел: — Разгрузайте!

Попробуй, дискусию с ним открой!
С этими разъяренными тоннами!
И стали сотрудники в тихий строй
Перед дверьми вагонными.

И запыхтел под машиной зав,
Худея быстрее, чем в ста Кисловод-сках,

И с управдела весь доск слезал —
Стал почти парнишкой заводским.
И даже главбух выгружал станки,
И даже кассно работал,

Впервые за жизнь орошала виски
Роса трудового пота.

Выгружен был последний станок,
Ударно окончена вся работа.
Вагон удалялся, важен и строг,
Сказав на прощанье: — То-то!

Смотрите! Побольше о мне забот!
А то снова сойду я сам с пути!
С тех пор легенда в тресте живет
Про «тяжелый случай на транспорте».

Р. Роман.



... когда проводники вышли из вагонов, — поезд оказался весьма товарным.

ТОВ. ДАНИЛОВ, зам. начальника Западных ж. д., строг: без этого начальству нельзя. Но тов. Данилов вместе с тем, конечно, и справедлив: без этого тоже нельзя начальству. Зря, без дела, разве положено начальству лютовать и наводить строгость? Нет, не положено, — и т. Данилов несправедливой строгости, разумеется, не проявит.

Допустим, что на вверенных т. Данилову дорогах не выполнят промфинплана, или учинят крушение или перестанут соблюдать расписание движения поездов... Что ж, со всякой дорогой это бывает! Неужели же станет т. Данилов из-за этого наводить строгость? Нет, наверное, не станет. Наверно, только вздохнет т. Данилов, перекрестится истово на «объективные причины» и скажет смиренно:

— Никто, как они! Все под «объективными» ходим. На то их святая воля!

Но представьте себе, что где-нибудь на Западных ж. д., наоборот, перевыполнили промфинплан...

Впрочем, и представлять нечего. Так оно и было. На Гомельском вагонно-паровозном ремонтном заводе рабочие выполнили промфинплан с превышением, и завод затребовал у правления Западных ж. д. добавочную порцию больных вагонов.

Вагонов таких много больше, чем нужно. И мягкотелый начальник, конечно, с радостью удовлетворил бы требование завода. Но т. Данилов не такой! Тов. Данилов справедлив, но и строг. Тов. Данилов, может быть, допустил бы добавочное крушение: «объективные обстоятельства!..» Но как же можно допускать превышение промфинплана?.. Ведь уж тут-то виноваты причины никак не объективные,

а определенно — субъективные! Тут налицо — сознательная воля масс, тут энтузиазм, тут — старание, тут — заранее обдуманное намерение!..

И естественно, что т. Данилов ответил заводу не посылкой добавочных вагонов, а укоризненной и строгой почтограммой:

«Гомель, ЦОРЗ 143/14 ДК.

По годовому плану, на 1 июля Гомельский ремонтный завод должен выпустить из капитального ремонта 31 вагон и из среднего — 85 вагонов. Подано соответственно 36 и 88, т.-е. больше чем требуется. Вагоны, которые вы требуете, по плану заданы на август и сентябрь, а на июль задания нет. Прошу ДРЗ придерживаться плана ремонта и досрочно вагоны не требовать.

За Н. Западных Данилов».

Да, справедлив т. Данилов и строг, строг т. Данилов и справедлив. Но влияние и власть т. Данилова ограничиваются пределами Западных ж. д. Сидит он там, в правлении Западных, не допускает превышения промфинплана — и знать не знает, что мы, все остальные, хотим закончить пятилетку в четыре года, выдвигаем встречные промфинпланы, норовим «досрочно» построить социализм! Не знает, а то бы...

Но вы ему, товарищи, и не говорите, не рассказывайте. Ведь и так, небось, огорчится, когда проведем пятилетку в четыре года и построим досрочно социализм. Зачем же еще и загодя расстраивать человека?

Никита Крышкин.

КВАРТИРА НА КОЛЕСАХ

— Носильщик, давайте вещи сюда! Вагон номер шесть, место номер двадцать девять...

— Дверь почему-то заперта, гражданин.

— То-есть как так заперта?! Стучите сильнее!!

— Чего ломитесь, черти некультурные?! Не видите разве, что звонок есть?..

Из окна вагона высовывается заспанная физиономия с молоточками на околыше:

— Кажется, ясно написано: начальнику участка Тягову — три длинных и четыре средних, его помощнику Семифорову — три средних и четыре длинных, начальнику касс Сдачкину — пять коротких и так далее...

— Что я, не сюда попал?! А где же мой вагон? — пугается гражданин с чемоданом.

— Нельзя сказать, чтобы вы попали не туда, — философствует гражданин с молотками, — но сказать, что вы туда попали, тоже нельзя...

Раздается звонок.

— Куда вы едете?! — истерически визжит гражданин с чемоданами.

— Никуда мы не едем, так на месте и стоим. Это частная квартира...

Гражданин с чемоданом бледнеет, растерянно смотрит на носильщика, начинает торопливо рыться в карманах и вдруг с визгом кидается к окну:

— Вот мой билет! Поезд уходит! Бросьте ваши глупые штучки! Это вагон номер шесть?!

— Вагон номер шесть... Совершенно верно изволили заметить, — равнодушно отвечает человек с молоточками, — вернее, бывший номер шесть. Вчера он еще был вагоном номер

шесть, а сегодня это уже наша частная квартира.

Человек с молоточками самодовольно улыбается и переходит на шопот:

— Ночью переезжать пришлось, чтобы другие не перехватили. Сегодня, так сказать, новоселье справляем...

Раздается свисток.

Гражданин, схватившись за голову, несется по перрону. За ним еле поспевает носильщик.

Обладатель молоточков еще с мину снисходительно смотрит вслед гражданину. Потом лениво начинает закрывать окно, чтобы предаться прерванному сну.

Но... вагон вдруг дергается и начинает медленно ползти вдоль платформы.

Лицо гражданина с молоточками наливается кровью. Он высовывается из окна и истерически кричит:

— Канальи сцепщики! Забыли нас отцепить. Мы едем на север!!

В бессильной ярости он машет кулаками и срывает красную шапку с головы провожающего поезд дежурного по станции...

**

— Это факт? — удивится читатель.

Нет, не факт... Признаемся честно-сердечно. Но зато — вот вам уже настоящий, неопровержимый факт:

«Около 2.000 исправных пассажирских вагонов использованы под жилье железнодорожников и под канцелярии.

А в будущем году придется отменить во многих поездах плацкарты из-за отсутствия пассажирских вагонов».

Факт... Неприятный, но факт.

Ипабр.



— Где отпуск проводите?
— Как видите: в очереди за билетами.

ИНСТРУКЦИИ НЕ ПЕРЕШАГНЕШЬ

(Повесть о связи)

1. Завязка.

На Северокавказской ж. д. есть три пункта.

Разъезд Нескучный. Станция Рыздвяная. Станция Кавказская.

Все они связаны телеграфом.

На разъезде Нескучном работает пом начальника тов. Таран.

На станции Рыздвяной, у матери, лежит его умирающая жена.

На станции Кавказской по перрону фланирует в форменной фуражке, грызя сердца девиц, начальник телеграфа Романовский.

Все они тоже связаны. Первые двое — узамы родства. Третий — инструкцией.

2. Узел.

Мать умирающей дочери со ст. Рыздвяной шлет на разъезд Нескучный телеграмму: «Приезжай. Лена прч смерти». Посылает по железнодорожному телеграфу, ибо никакого другого там за сто километров нет.

Телеграмма дошла до узловой стан-

ции Кавказской и прервала демоническую прогулку Романовского.

— Как?! — вскипел он. — Телеграмма? На Нескучный?? А инструкция? Да разве дозволено начальством передавать на разъезд частные телеграммы?

«Приостановив умирание», Романовский грозно телеграфирует Рыздвяной:

«Как смели перешагнуть инструкцию?»

Семь часов ждала срочная телеграмма, пока отойдет обиженное за инструкцию сердце Романовского. Пропустив телеграмму, он сел за рапорт по начальству, «в коем покорнейше просил» наказать преступника, дерзнувшего нарушить инструкцию.

3. Развязка...

Еще не известна... Но можно думать, что жена не дождалась мужа, а Романовский попрежнему грызет сердца на перроне станции Кавказской...



ПАДЕНИЕ НА ХОДУ...

...или самый несчастный случай на транспорте.

МЫСЛИ В СЛУХ

Пароход идет медленнее поезда, но это еще не дает права водному транспорту отставать от железнодорожного.

Чем больше у транспортников бутылок, тем больше на транспорте пробок.

И имея право бесплатного проезда, можно быть снятым с места.

Большегрузные составы у нас еще не введены, но для вывоза переноски по этому вопросу уже нужны большегрузные составы.

Трудовой дисциплины нет места на многих дорогах... очевидно потому, что бюрократы отказали ей в плацкарте.

Автодор не должен забывать, что дорога к светлому будущему должна быть залита асфальтом.

Ипа.

УДОБНАЯ ЗАМЕНА

— Управление нашей дороги приступило к расследованию причин последнего крушения и обнаружило, что...

— ...Что, опять «стрелочник виноват»?

— Нет, что вы! На тринадцатом-то году революции? Виноваты «объективные обстоятельства»!



УЧИТЕСЬ ОТДЫХАТЬ!

КРЫМ и Кавказ, граждане, не резиновые! Местов нет!!

Запомните это раз и навсегда. И не забудьте, заодно, что у всякого города под боком пропадает первоклассный курорт.

Да что у города!.. У каждой железнодорожной станции под семафором можно свою районную Ниццу организовать!

Взять, к примеру, станцию Лиска... Ну чем не Кисловодск?!

В Кисловодске — нарзан... И в Лисках — нарзан... Целых две будки. В Кисловодске — замок коварства и любви... И в Лисках что-нибудь коварное организовать можно...

Дирекция Юго-восточных железных дорог кужно отдать должное... Никто как она явилась пионером организации своих доморощенных курортов.

В Москве вот уже два года шумят о Зеленом городе.

Тысячи лиц успели уже позеленеть, обивая негостеприимные учрежденские пороги, продавливая стены безразличия, зеленой скуки и недоверия, а на территории первого Зеленого города не завеленела еще ни одна гостеприимная крыша...

Не то в Лисках. В Лисках без всякой волокиты и прочих вышесредних недостатков механизма организованы у каждого семафора зоны отдыха для трудящихся пассажиров.

Усталые пассажиры слезают с поезда, совершенно бесплатно разминают отекие конечности и предаются любимому виду отдыха.

Кто рыбку удит в ближайшем пруду, кто уходит в лес по грибы, кто занимается гимнастикой, используя в качестве трапеции закрытый семафор...

Принимая во внимание, что у каждого семафора поезд стоит от трех часов и больше, в ближайшее время дирекция резервет, веселит, небольшие культбазы, которые за время стоянки будут обслуживать пассажиров популярными беседами на самые разнообразные темы.

Например такие: «Отдых в пути как мощный фактор залога здоровья», или: «Железнодорожные катастрофы и их влияние на человеческий организм».

ДИРИЖЕР НА МОСТОВОЙ

(Песенка милиционера)

Я — путей людских хранитель,
Милицейский постовой,
Я — живой путеводитель,
Дирижер на мостовой.

Люди, лошади, машины
Ускоряют уличье шаг.
И среди уличной пучины
Я — спасательный маяк.

Я спасал ваши ручки и ноги
Обратиться мешал вам в ту пору
— Гражданин! Сойдите с пути
Гражданин! Помалуйте руки!

Я штрафую, штрафую и штрафую
Но скажите, что делать мне,
Если иначе вас не научить
Чтоб по правой ходить сторону!

Тут — автобус, там — пролетка,
И трамвай летит, везет...
Пешеход и пешеходка,
Курс держите на левый!

Как дракон, рыча и воя,
Транспорт летит напролом,
Но сморгнуть могу его я
Красным маленьким жезлом.

Я — стов, как укротитель,
Полон хватка боевой,
Я — путей людских хранитель,
Милицейский постовой.

Вас. Леб.

Поездные бригады внесли свои предложения:

У каждого семафора организовать: 1) гостиницу для пассажиров, 2) парикмахерскую, 3) родильный дом с яслями, 4) спортивный стадион и 5) школу-семилетку для подрастающих в вагонах пассажирских веток.

Парень, почему-либо не успевший окончить школу у одного семафора, переводится безболезненно в следующую семафорную школу.

Затраты на постройку всех этих предприятий окупятся с лихвой.

Пока поездные пробки ликвидируются, ждать еще, видимо, долго.

У дирекция Юго-восточных дорог всего две руки. Закончит организацию присемафорного отдыха, а там, глядишь, и за труддисциплину взятыся можно будет.

Вопросы — они тоже должны порядок соблюдать. Пускай в черед становятся.

Так и разрешать их будут... В порядке живой очереди...

И. Алский.



Настало время перевести транс...



Рис. К. Елисева

ПИТАНИЕ НА ТРАНСПОРТЕ

РАБОТНИКИ дореволюционного транспорта обладали могучим аппетитом. Они рвали в клочья все съедобное, как волки.

Рвали отправителей и получателей, терзали подрядчиков и прорабов, проглатывали грузы, вагоны, целые материальные склады. Работники по-мельче питались зайцами.

Все пожираемое обозначалось выразительным словом «хабара».

«Не подмажьешь, — не поедешь!»

И без подмазок никто, действительно, ехать и не пытался. Хабара бралась открыто. Бралась за каждую операцию конкретно и так вообще за уважение — на пасху и рождество.

Теперь все переменялось.

Хабары не берут. Склады не растаскивают. Грузов не воруют и зайцев не воят. Ну, отдельные случаи, разумеется, не в счет.

Собственно говоря, даже трудно сказать, чем именно рвали промышленяют. Впрочем, когда взглядишься, — станет заметно.

Например. В прошлом году был поднят вопрос о присоединении линий Кавказки к Октябрьской дороге.

Вопрос этот весьма не сложен, тем не менее любители пожевать обсуждали его 8 месяцев. В конце концов определили стоимость работ в 6 тысяч, а срок — 3 месяца.

На самом же деле, когда с проектом ознакомилась рабочая общественность, оказалось, что всю работу можно проинвестировать в 3 дня. Вокруг вопроса люди явно кормились.

Или пример с ремонтом паровозов. На Сызранской дороге паровоз серии С 65 в течение июня ремонтировался 25 раз!

А на Октябрьской дороге паровоз серии Ц 1505 ремонтировался 26 раз!

Не паровозы, а кормильцы!

Ну зачем же рвать и глотать поволочки! Можно деликатно накрыть стол паровозом и кушать, медленно разжевывая сверхурочные, сделанные и премиальные.

Один племянник, определяемый на службу дядюшкой, восторженно бил себя в грудь:

— Дозвольте мне, дядюшка, заведывать какой-нибудь гачкой. Да я вокруг этой гачки не только сам прокормлюсь, но и всю нашу родню напитаю.

И он был прав, этот дядюшкин племянник. Ибо техника пожирания рвачами народных сумм уехала на транспорте весьма далеко.



— Скажи, папаша, где у вас дорога?
— Вон, милоч, которое место все об'езжают—оно дорога и есть!

ТРАНСПОРТНЫЕ ЗАДАЧИ

(Не смешивать с задачами транспорта)

Скорый поезд вышел из Ростова с опозданием на 2 часа и пришел в Москву с опозданием на 12 часов. Спрашивается: сколько стоит официальное расписание движения поездов и для чего оно существует?

★

Со станции А к станции Б и со станции Б к станции А одновременно вышли два поезда. Первый поезд шел со скоростью 60 километров в час, а машинист второго поезда выпил ¼ литра водки. Спрашивается: сколько человеческих жертв требуется для того, чтобы ни один железнодорожник не посмел выйти на работу в нетрезвом виде?

★

Пассажирский поезд, идущий со скоростью 50 километров в час, шел от Москвы до Тулы 4½ часа, а обратно — 7 часов. Спрашивается: сколько километров от Москвы до Тулы и сколько — от Тулы до Москвы?

КТО И ОВОЩИ

Проводники, сопровождающие исторические вагоны с овощами, боятся «сквозняков» и закрывают вентиляцию.

И шпоры, во все концы: помидоры, огурцы!..

— на бригады — рый проводник. бы мне от прокладды, воротник! в весьма поларен, мороз большой... видно, парень кой душой.

и сердито топнул, «дарный» дым! вахлоннул растонил... тает рельсы, дель привозной. вагоне Цельсий, зной. кувший паром, туник шажком. прибыл с загаром, с запашком.

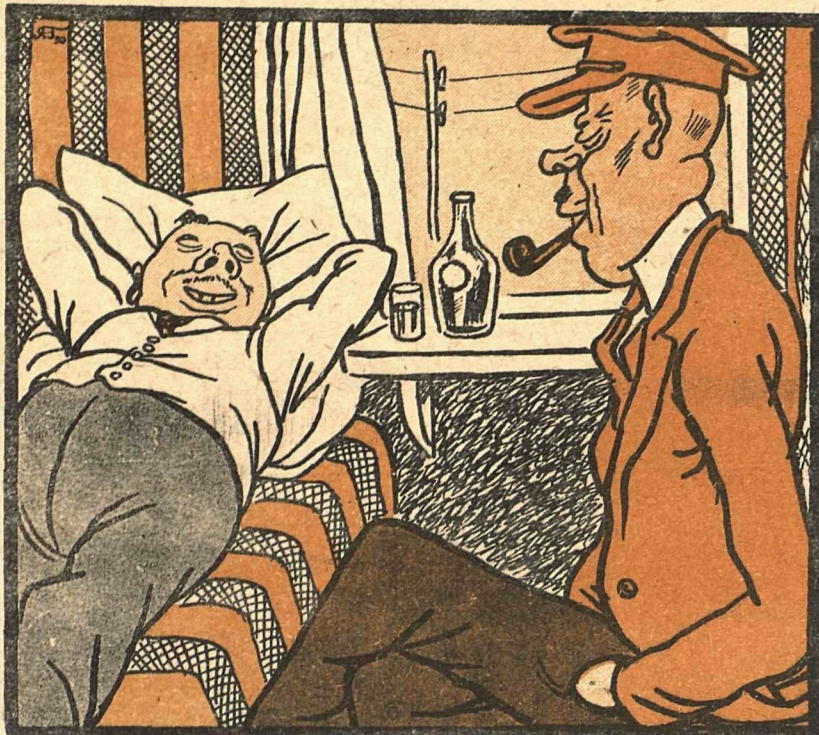
В. Гранов.

А. Наждачный.



порт на новые рельсы!

Рис. А. Генча



1. Заготовительные „фрукты“



2. Заготовленные фрукты

ГОРЕ-СТАНЦИЯ

СОБРАЛИСЯ в отпуск Иван Колесов и Павел Петров — счетоводы: Иван — в деревушку среди хвойных лесов, Петров — в Минеральные воды.

На дачном уехал в деревню Иван, а Павлу удел был особенный дан.

Петров не больной, а, напротив, здоров, — проветрится все-таки надо. Пошел на горстанцию Павел Петров и смотрит — какая досада: загнулся черед на Кузнецкий на мост, и Павел последним пристроился в хвост.

Ворчит и бранится хвостатый народ: он злей, чем голодные звери. Доплелся Петров до Проломных ворот, — далеко горстанция двери!.. Он день продежурил, промаялся ночь, а ноги не держат, и нечем помочь.

Хвостисты-курортники злобно ползут, толкуются в живой карусели. А дни улетают, и ночи бегут: нет сил стоять на панели. «Их моют дожди, запылают их пыль», и гарью воняет им автомобиль.

Но вот и горстанция! Вьется черед. Окончатся скоро невзгоды. Вот двери... Там кассы...

В атаку! Вперед! Даешь Минеральные воды!

А в залах — хаос, беспорядок, галдеж, и давка, и брань, ни черта не поймешь.

Ура! Заприметил измученный глаз, — сейчас, вот, еще вот немножко, — одной из заветных заманчивых касс уже перед носом окошко.

Из кассы ж несетса бесстрастный ответ:

— Билеты все проданы! Более нет!

Выходит на улицу Павел Петров особым таким индивидом. До станции был он, понятно, здоров, а после он стал инвалидом. В костюме, как всмотришься, — что-то не то: нет пуговиц вовсе на рваном пальто. Нет зуба и нет половины усов: погбили в бою всенародно.

Как вдруг повстречался ему Колесов, поправившийся превосходно.

— Приехал, Павлуша?! Когда ж ты успел? Худой ты немного, но как загорел! Ну, где отдыхал ты, скорей за рассказ!.. Ей-богу, — чернее арапа. И так, — Минеральные, Сочи, Кавказ, Ливадия, Ялта, Анапа?.. Как быстро промчалась пара недель... Да что ж ты уселся, дружок, на панель?

Петров с тротуара, схватясь за трубу, слова еле-еле кидая:

— Скажи ты спасибо, что я не в гробу: не ездил, дружок, никуда я! С горстанцией этой, — не вру я ничуть, — как раз в крематорий — единственный путь!

Алек. Сан-Дюр.

Главный редактор — Савелий Октябрев

Специальный транспортный выпуск

«Ах, ты ж, скажи на милость!» — все-то начать перечислять... Не раз очень распространенное на транспорте восклицание. Для разнообразия заменяется иногда другими, не менее распространенными и вполне тождественными по смыслу: «Каждый раз на этом месте», «Так и знал» и т. п.

Быстрому движению вперед этих восклицаний, несмотря на всю их выразительность и добавку к ним еще более выразительных слов, ни в какой степени не содействую.

Бодрствование — особое состояние организма, весьма несвойственное, как доказано недавними опытами на Кавказской и др. дорогах, организмам некоторых машинистов, дежурных по станции и ревизоров.

Взятки — непатентованный двигатель, широко применявшийся на транспорте в дореволюционные времена. В наше же время он, конечно... то-есть, как вам сказать?.. Необходимо, во всяком случае, отметить, что в основу этого двигателя положены строго классовые начала; вот почему его применение сокращается пропорционально уменьшению числа частных грузотранспортировщиков.

Грузы — бывают скоропортящиеся и, наоборот, долго не портящиеся. Но это ничего, что долго: времени хватает!

Дурак — в станционной жалобной книге, воспроизведенной А. Чеховым, так назван некий «Иванов 7-й», расписавшийся за начальника станции. Ученые лингвисты (языковеды) и филологи возражают, однако, против столь ограничительного применения этого слова на транспорте. Почему, в самом деле, только Иванов 7-й?.. Один он, что ли, транспортировал овощи и фрукты в неветилируемых вагонах? Это к примеру. А уж если Крути, Гаврила!..

Уклон — очень опасная на железных дорогах (да и вообще) штука, в особенности — правый. В железнодорожном строительстве уклоны, как и везде, недопустимы. Необходимо помнить, что по пути с уклонами никак нельзя доехать в четыре года до конца пятилетки, но зато можно очень легко откатиться лет на тринадцать назад.

Четыре года — срок, вполне достаточный для того, чтобы транспортный выпуск нашей Энциклопедии стал устаревшим и действительности не соответствующим. Но не забудьте, что времени осталось немного: два года из этих четырех уже прошли, и «малой скоростью» двигаться уже нельзя! Крути, Гаврила!..

ОСТОРОЖНО, КУСАЮТСЯ!

Наши пути сообщения предназначены главным образом для людей покорных и безропотных.

Садясь в железнодорожный вагон, не забудьте:

- 1) сходить к врачу и проверить состояние нервной системы;
- 2) взять с собой как можно больший запас продуктов и терпения. (Дело в том, что в железнодорожных буфетах питается кто угодно, кроме пассажиров, на долю которых остаются только... русская горькая и бесхлебный квас);
- 3) уже решившись на путешествие, следует с момента вступления под гостеприимные своды вокзала начать приветливо улыбаться всем гражданам, имеющим хотя бы отдаленное сходство с железнодорожными служащими;
- 4) не вздумать, чего доброго, пытаться спорить с проводником или указать железнодорожному агенту на какую-нибудь неправильность, или тем более на совершенный им неблагоприятный поступок.

В противном случае могут произойти вот какие вещи:

На Курском вокзале пассажир желал перейти вопреки установленному порядку с одной платформы на другую через пути. Контролер, схватив пассажира за руку, потребовал уплатить штраф.

Пассажир согласился уплатить штраф, но объяснил неумолимому контролеру, что для того, чтобы уплатить деньги, он должен полезть в карман, и потому на всякий случай нужно ему руку отпустить.

Тогда контролер подошел на помощь другого, и они потащили его в комнату дежурного по станции.

Но это еще железнодорожные цветочки, а вот и ягодки..

На ст. Сосневская из вагона была высажена женщина с ребенком. Второй ребенок не успел вылезти и уехал дальше. Когда она обратилась к дежурному по станции, то выяснилось, что билет у нее в полном порядке и контролер просто ошибся...

Следовало бы чересчур строптивых железнодорожных агентов снабжать в качестве прозодежды, что ли, намордниками и наручниками.

И вешать еще на них, к сведению пассажиров, плакат:

«ОСТОРОЖНО, КУСАЮТСЯ!»

Группа проводников, доставившая в Москву эшелон с гнилыми фруктами, ссылалась на совершенно исключительное отношение железнодорожников к эшелону.

В самой Москве вагоны были поданы под выгрузку только спустя 10 часов после прибытия!

В Батайске набивка льда в вагон-холодильник потребовала 21 час!

Вот где можно сказать, люди работают с прохладцей!

НАСЧЕТ ЕДИНОНАЧАЛИЯ

На одной станции был обнаружен полный развал в работе и упадок трудовой дисциплины.

Возмущенные пассажиры обратились к начальнику станции с протестом:

— Чего ж вы бездействуете? Вы же начальник!

Начальник горько усмехнулся и ответил:

— Вот именно! Я здесь только начальник. Если бы я был единоначальником, тогда другое дело...

И бедняга от нечего делать пошел куда-то за-седать.



— Ничего, гражданка, новорожденный ваг не обуза. Покуда до Астрахани доедем — успеет на помощника манитана выучиться.

ОНО, конечно, порядков много. К примеру — охрана. Служу я в железнодорожной охране. Вот я вас и спрашиваю: где она, эта самая охрана? Липовая мифология, а не охрана. Взять хотя бы такой случай. Становлюсь это я с двенадцати ночи на дежурство, ну и охраняю себе. Разулся.

— Для чего же разулся?

— Так на дежурстве же!

— Вот я и говорю: с чего это разуваетесь на дежурстве?

— Как есть чудак! Ноги-то замлеют. Казенные они у меня, что ли? Разулся, значит... Пиджачишко под голову. Сплю.

— На дежурстве-то?

— А то где же? Нашему брату, это верно, не так тепло, как, скажем, дежурному по станции... Храплю, значит, после литровки с кумом. Смотрю, — замутило, а сапог-то и нет! Потом нашли их, сапоги-то. А в придачу к ним товару разного с полвагона. Не один, видно, орудовал...

— А товар откуда?

— Ясное дело — из вагонов. В мое же дежурство сперли... А ты говоришь — охрана! Единственные трудовые сапоги, и те тащат. Липа, а не охрана!

— А в профсоюз о беспорядках жаловался?

— Как же. Пожаловался, а он говорит: — «В другой раз клади сапоги под голову»...

Порфирий О-в.

ПО ПУТЯМ-ДОРОГАМ

НА ТРАНСПОРТ множатся нападки,
И я, о транспорте скорбя,
Спеша узнать все неполадки,
На транспорт в экстренном порядке
Командирую сам себя.
Мы разберем все недостатки
И ложь уложим на лопатки,
Одну лишь истину любя.

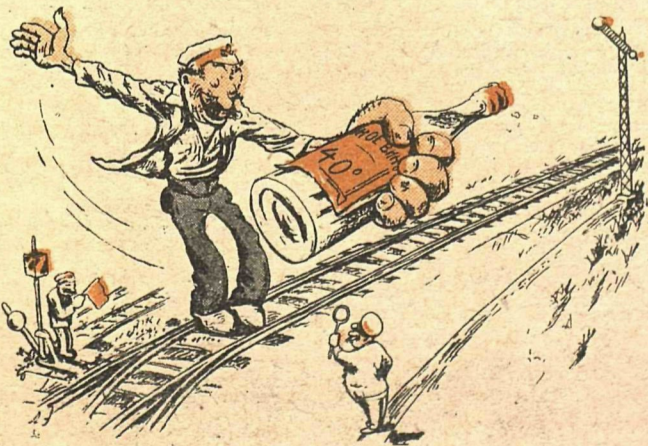
Мотор бы взять силенок в сорок,
Чтоб все успеть объездить в срок,
Привлечь рабкоров и рабкорок, —
Рабочий глаз остер и зорок,
Рабочий глаз хозяйски строг, —
Но... от авто — неважный прок:
Без Автодора — авто дорог,
И мало есть автодорог.

Поехать бы экспрессом скорым
И честно в мягком месте взять,
Но спецы утверждают хором,
Что как в товарном, так и в скором
Легко угробиться «на-ять».
И в скором — нет конца заторам,
И в скором — вас берут измором,
Хоть в мягком стелют, — в жестком спать.

Вперед, мой стих!.. Вот перед нами
Раскинулся Одесский порт.
Вся пристань занята судами,
Товары грузятся тюками...
Но что за дьявол? Что за чорт?!
Здесь — нет трубы, там — сломан борт.
Кто виноват в подобной драме, —
Ведь пароходы под парами?!!

Набив тяжелым грузом пузо
(Погрузка медленно идет),
Вновь разгружать себя от груза
Сполна, от трюма до камбуза.
В ремонте должен пароход.

Рис. А. Эглит



Пробка, которая едва держится.

А сухопутный мореход
Из Совторгфлота — без конфуза
От скуки шар гоняет в лузу.

Взвивайся, стих! Одессу кинешь.
Не спотыкайся, не волинь,
Давай скорей под небом синим
Прямым путем с тобою двинем
С воды — на рельсы, на Вольни.
Палатку наскоро раскинем,
Мы на Вольни не застынем, —
Там, говорят, теперь теплынь.

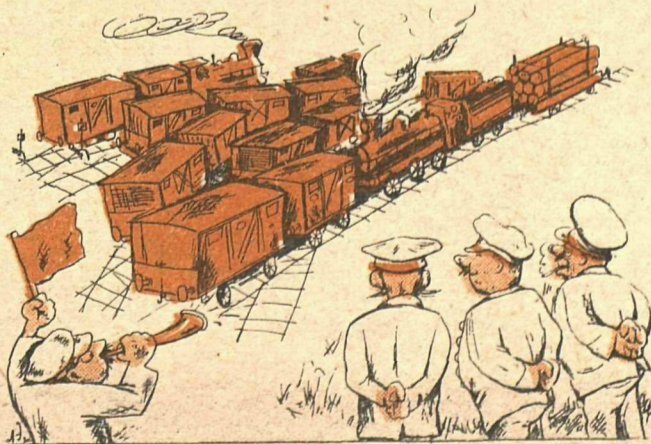
Бездокументные вагоны,
Что там вагоны — поезда! —
Здесь совершают перегоны,
Забыв дорожные законы,
Туда-сюда, туда-сюда...
Вольнички зевают сонно:
— Пусть их летят, хоть под уклоном,

Без документов — не беда.
С Вольни в Харьков двинем робко,
Дошел до Харькова черед.
Под Харьковом, заметим в скобках,
Погрызла все дороги в пробках,
И штопор пробки не берет.
Вотще общественность орет, —
Ей бюрократ твердит, как попка:
— Газета врёт! Газета врёт!

И в Це-Эр-Ка и в Вукоспянке
Никто не хочет грузов брать,
Дельцы скребут свои затылки
И друг на друга пинуют ссылки,
Стараясь половчей соврать.
А транссоюз на случай взмылки
Стремится, прихватив бутылки,
В «законный отпуск» вдруг удрать.

Из Харькова, пролезши в щелку, —
Куда бы нам направить ход?
Ну, разумеется, на Волгу!

ПРОБКИ НА ТРАНСПОРТЕ



Пробка, которая держится покрепче.

Посмотрим, — транспортному долгу
Как служит волжский пароход.
Увы, и здесь «речному волку»
Не вредно бы намылить челку:
Не гладки складки волжских вод.

Берут речные капитаны
Пример печальный с желдором.
И на туман свалив туманно,
Везжают как-то очень странно
Друг другу в бок, а после — в док.
Процент аварий дал скачок
И кверху лезет неустанно...
Поменьше б напускай туману!

Пора домой, на отдых сладкий,
Пора заканчивать дела.
Сказать по чести, для порядка,
Есть очень много недостатков
И среди московского узла.
Каванка на крушенья падка,
Ремонт идет совсем не гладко,
Ну, словом, — много барахла.

Конеч. Признаюсь вам по чести,
Интересуюсь больше злом,
Я замечал, скажу без лести,
Везде, и в том и в этом месте,
В работе крепкий перелом.
И я хочу с другими вместе,
Чтобы, стряхнув рвачей и бестий,
Наш транспорт взвился на под'ем.

Я не кричу и не «пужаю»,
Не обижая транспорт весь,
Я красный транспорт уважаю,
Я вижу, верю, твердо знаю, —
На транспорте герои есть.
Но нужно, темпов не снижая,
Для переброски урожая
Ударным сделать транспорт весь.

Вас. Лебедев-Кумач



Пробка, которая держится очень крепко.



— Гражданочки! Местов больше нет!

МНОГО НА наших дорогах станций, полустанков, платформ...

И стоят на них поезда. Стоят по делу, стоят и без дела, покорно дожидаясь у закрытого семафора окончания партии в подкидного дурака, которую затеяли дежурный по станции с телеграфистом...

Стоят минуты, стоят часы... Но все эти стоянки — жалкие мгновения в сравнении с одной станцией, названия которой вы не обнаружите ни на одной карте железных дорог.

И тем не менее, это настоящая станция, где поезда простанвают не часы, а целые сутки, срывая планы перевозок, создавая на путях бесконечные пробки.

Название этой станции перекочевало с железнодорожной карты на страницы календаря и заставило его краснеть от стыда каждый седьмой день за дела, которые в эти дни творятся.

Название этой станции старое, знакомое — Воскресенье.

Неудачное, нелепое название, которое звучит издевкой, насмешкой.

Не воскресенье, а умирание всякой работы, ослабление энергии, срыв темпов несет с собой еще и сейчас на транспорте этот день.

В воскресенье расцветают лица железнодорожников лиловыми фонарями на скулах, пьяные песни несутся из грузовых пакгаузов, возмущенно тархтят ожидающие погрузки грузовики.

...Переустройство станций Рыбное, Николаевка, Раменское производится черепашим темпом потому, что по воскресным и праздничным дням песчаные карьеры не работают...

...По той же причине задерживаются работы по сооружению мостов на Курской дороге, Там вдобавок в воскресенье не работают и каменоломни.

...В воскресенье, 22 июня на железных дорогах СССР погрузка уменьшилась на 5 тысяч вагонов.

Одна надежда на молодую, мускулистую Непрерывку.

Засучив рукава, она стремительно напирает на отступающее Воскресенье, забаррикадировавшееся еще в железнодорожных домиках, на волжских пристанях, в пристанционных пакгаузах.

Но сопротивляется этот зачеркнутый день совершенно напрасно.

Дни этого дня уже сочтены...

ЖИВ КУРИЛКА!

БЫЛ «Ревизор» — и весь вышел — пал от руки Мейерхольда.

Поохали, погоревали, слезу пролили присяжные театралы по покойничку. Давненько его знали — с малолетства.

Вечная память, покойся до радостного утра!

А он, — и хитреющий же старикашка! — взял да и ожил. И где — в Рыбинске, на Волге.

★

С трясущимися губами «влетел» в учительскую зав. железнодорожными курсами Ландман и дрожащим голосом объявил:

— К нам из Ленинграда едет ревизор!

— Как ревизор? Вот не было печали, так накачали! — хором отозвались учителя.

И началось:

Выполнение правил внутреннего распорядка, чтение газет, снятие икон. Словом, — смятение.

Накануне приезда ревизора Ландман пошептались с каждым учителем, выразительно показывая три пальца, и каждый из них вынул из своего кармана трешку советского образца.

— Только — ни гу-гу!

— Понимаю, моглаа!

Наступил знаменательный день, — прикатил инспектор Гроднинский. Такой простой, обходительный.

Промелькнули быстро, как в кино, целевые установки, промфинплан, индустриализация, коллективизация.

Все остались довольны — и ревизор и ревизуемые.

Подошло прощание.

Выстроившись шеренгой, педагоги «ели глазами» начальство, а начальство чего-то ждало, что-то предчувствовало.

И дождалось.

Выступал зав. На глазах его блестели, как росинки, слезы, а в руках отливал всеми цветами радуги увесистый серебряный портсигар — коллективный подарок высокому гостю.

Уважение и преданность, преданность и уважение...

«Ревизор» без Ивана Александровича Хлестакова, но все же самый подлинный гоголевский «Ревизор».

В. Рудин.



— Что за чорт! Две недели грузим, никак нагрузить не можем!

ТРАНСПОРТНЫЕ НЕЗАБУДКИ

АМЕРИКАНСКИЙ инженер, ознакомившись с нашим транспортным хозяйством, воскликнул восхищенно:

— Какое богатство! Какая щедрость! У вас даже изгородь делается из рельсов!

Наши транспортники оглянулись и ахнули. Действительно — рельсы везде понатыканы без всякого соображения.

Хорошо еще, что американец не заметил расхода меди. Ее уходит тоже не мало. У людей, умудрящихся делать изгородь из рельсов, лбы облицованы именно этим металлом.

★

Известно, что вести общественную работу среди транспортников чрезвычайно трудно. На собрание приходит сплошь и рядом человека дватри.

— А где же Осипов?

— На дежурстве.

— А Буксин?

— Только что с дежурства.

— А Гарелик?

— Ему скоро на дежурство.

Эта отговорка — самое любимое дежурное блюдо всех транспортников.

★

Кстати о собраниях. Батайский узел имеет парторганизацию в 110 человек.

Когда было созвано собрание, посвященное осенним перевозкам и безобразиям в работе, то из 110 партийцев явилось... 10 человек.

Про остальных можно сказать, что они, хотя и с билетами, но в партии зайцы!

★

Все кричат: — Профессиональные организации не мобилизуют рабочие массы на борьбу за оздоровление транспорта!

Спрошенный по этому поводу некий профбюрократ спокойно ответил:

— Ну, что ж! Покричат, покричат и отстанут! Кампания проходит, а собрание членских взносов и переписка остается.

И тут же взялся за отношение. За казенное отношение.

НЕУВЯЗКА

Участилась случай крушений на жел. дор. узлах.

Вещи совершенно невозможные, — Не в обиду дороге будь сказано: Узлы железнодорожные Очень слабо увязаны!

Гулик.

ЗАВПРИСТАНЬЮ Иванов вышел из конторы и, нетвердо шагая, доплелся до перил:

— Ну, и качает... Странно: ветра нет, а Волга волнуется... Мишка, ты чего, негодяй, прыскаешь? Я т-тебя! Спишу на берег!

— А я на берегу.

— Спишу на дырявую баржу! Утонешь, как курица в супе!.. Как пароход пришвартуется, — пусть капитан летит ко мне на квартиру: сегодня день моего аннулированного ангела... П-понял?..

...Большая стрелка пристанских часов судорожно прыгала с черточки на черточку, незаметно подвигая малую. Пассажиры, справившись с расписанием, крыли отсутствующего капитана и «порядки».

Помкапитана успокоил возмущавшихся пассажиров гудком и бросился к завпристанью.

— Выпьем мы за зава, зава дорогого... — пел капитан.

— Вниз по матушке, по Волге... — ныла зав, то и дело прерывая себя воплем: — Крой ее, Волгу, по матушке!

— Безобразия! Пьянствуете!..

На пароходе скандалят, требуют отхода без капитана.

— Что-о? — взревел капитан. — Без меня?! Ни с места! Да скорее Волга вверх потечет! Я тут просижу сутки! Неделю! Месяц! Год! — и пароход не двинется с места! Просижу!.. тут!

★

Старик, приставив ладонь щитком над глазами, бормотал:



— Дымок хоть увидеть — и то легче...

— Дедушка, там вот расписание висит, погляди!

— Чего, милый, глядеть? Чай, не на расписание нам садиться, на пароход, небось... Расписание, оно, думаешь, для чего?

— Известно для чего: чтобы регулировать приход и отход.

Старик замотал головой и бросил:

— Тоже сказал!.. Расписание для того, чтобы под ним начальство расписалось, вот для чего оно!.. По расписанию я б уж дома был, а на факте — на берегу стою!.. Внучек вот мой, вишь, уморился, заснул.

— И хорошо: пока пароход придет — он, дедушка, и выспится.

— Выспится? Да он не то что выспится — вырасти успеет!..

— Ребята, давай рыбу удить!.. Наловим — костер тут разведем, уху сварим... Мы в прошлый раз пароход ждали — в деревню сбегать успели да на свадьбе попировать.

Раздался протяжный гудок.

— Пароход!.. Вот так чудо!

— Да, жди... Это гудок с кирпичного завода.

Ребята разматывали удочки.

★

Староста звена грузчиков толкался в трюме от стенки к стенке и матершился.

— Ты чего? — окликнул его водолив.

— «Чего?!» Грузили, окаянные, как? Который груз на ближайшую станцию, — тот засунули на дно, а который на дальнюю — под носом...

— Парохода?

— Под моим носом... У меня вот накладная, а до груза не добраться!.. Теперь, изволь, выкатывай... Вот и простите зря!.. Крыть ваших грузчиков за такую погрузку!.. Под суд их старосту!

Водолив усмехнулся и спросил:

— А выбравши груз, адресованный на эту пристань, вы будете погрузку делать?

— Само собой.

— И будете сортировать груз при погрузке: дальний — подальше уложите, ближний — поближе?

Староста удивленно поглядел:

— Да что мы — сортировщики? Валий, как лежит, и все тут. Наше дело маленькое!..

★

— Алло! Ремонтные мастерские? Говорит порт. Когда, наконец, выйдет из ремонта пароход «Пятый год»?!

— Сегодня. Уже накладные медные буквы названия поставлены, приколавывают точку.

— Там нет никакой точки!

— Ну, ковычки!.. Помню: какой-то знак препинания!

— Вечно у вас препинания!

★
— Алло! Ремонтные? Порт. «Пятый год» в первом же рейсе дал течь!.. И обшивка — никуда. И окраска — дрянь!.. На буксире шлем — в переремонт. Безобразия!

— Бывает, конечно... Хотя, вероятно, тут какое-то недоразумение!..

— Правильно! Совершенно правильно: не ремонт, а недоразумение!..

★

— Порт? Ремонтные. «Пятый год», как новый. Медные части начищены — глядеть больно!

— К чорту блеск!.. Водонепроницаемость, уверенность в благополучных рейсах...

— О чем говорить, товарищ! Пароход теперь, что надо!

★

«Срочно. Пароход «Пятый год» затонул. Пассажиры спасены. Шлите помощь. Сообщите ремонтным, прокурору».

★

— ...Что вы делаете, головотяпы?! Тоннажу мало? Хорошо, мало — согласен. Но какого чорта вы так нелепо распоряжаетесь рейсами, погрузкой, маршрутами и тому подобным, что его еще меньше?! Почему «Зарю» мотали по пристаням, меняя приказы, то по телеграфу, то по телефону?.. Почему баркас номер сто тринадцать стоит под мебелью завпристанью?.. Почему «Полундра», не нуждаясь в ремонте, послана в док?!. Почему развалина «Звезда» шла с ценным грузом?!. — Почему?! Почему?! Почему?!

Исидор Гуревич.

СООБЩЕНИЕ „КРОКОДИЛА“

Товарищи читатели!

Возвратившись из летнего отпуска и приступив к исполнению своих обязанностей, я обнаружил, что на моих страницах процвела семейственность и свил гнездо протекционизм. Виновником этого прискорбного явления оказался постоянный сотрудник журнала, беспартийный гражданин **Савелий Октябрьев**. Он, воспользовавшись моим отсутствием и нестерпимо зазнавшись, немедленно заполнил редакцию своими близкими и дальними родственниками. На самых видных местах журнала стали появляться, вытесняя всех посторонних, дяди Савелия Октябрьева, двоюродный брат Савелия Октябрьева, просто родственники Савелия Октябрьева, без обозначения степени родства, какой-то Порфирий Октябрьев, племянница Савелия Октябрьева и тому подобный элемент мужского и женского полов,

чуждый журналу, но близкий беспартийному гражданину Савелию Октябрьеву.

Само собою разумеется, что все это окружение я сейчас же вычистил из состава редакции по первой категории. Зазнавшемся гр. **Савелию Октябрьеву** был вынесен от имени моего и всех законных сотрудников журнала строгий выговор с предупреждением и со снижением в чине (из бывшего статского советника до бывшего коллежского ассесора). Кроме того, Савелию Октябрьеву и остальным сотрудникам было разъяснено, что впредь состав редакции журнала должен пополняться не из родственного окружения отдельных многосемейных литераторов, а из того неисчерпаемого резервуара свежих талантов и сил, каким является рабочий класс Страны советов.

В ответ на это разъяснение Савелий Октябрьев скромно промолчал, остальные же сотрудники воскликнули:

— Даешь десять сатириков-рабочих с производства наместо каждого родственника Савелия Октябрьева!..

— Даешь!.. — подтвердил я.

Этот лозунг принят. Этот лозунг будет проведен в жизнь.

Для скорейшего его осуществления я открываю бесплатные курсы рабочих-карикатуристов и постоянную консультацию для рабочих, желающих работать в области литературной сатиры и юмора.

За исполнением сего — наобласти вновь учрежденной рабочей редколлегии „Крокодила“.

Это — пятимесячный план „Крокодила“. Его необходимо выполнить в четыре недели!

Товарищи читатели! Пишите в „Крокодил“! Записывайтесь на курсы! Приходите на консультацию! Выдвигайте встречные планы.

„Крокодил“.

15 сентября открываются занятия на вечерних бесплатных КУРСАХ КАРИКАТУРЫ при „Крокодиле“.

Курсы будут готовить карикатуристов для стенгазет и массовых журналов.

На курсы принимаются исключительно товарищи, связанные с производством.

Запись открыта при худож. консультации „Крокодила“ (1. 6, 11, 16, 21, 26, 30 от 4 до 5 час. веч.).

При записи необходимо представить свои рисунки.

ВНИМАНИЮ РАБОКОВ И РАБОЧИХ, ЖЕЛАЮЩИХ РАБОТАТЬ В ОБЛАСТИ ЛИТЕРАТУРНОЙ САТИРЫ

С 23 августа при редакции „Крокодила“ открыта литературная консультация по сатирическому фельетону (в прозе и стихах), по темам для рисунков и по малым формам сатиры и юмора (мелочи, остроты, заметки, сценки и т. д.). Консультация будет работать по 3, 7, 13, 17, 23, 27 числам каждого месяца с 3 до 5 ч. дня.

Консультанты: Н. Иванов-Грамен, Вас. Лебедев-Кумач, Л. Митницкий и В. Павлов.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Ознакомившись с вышеизложенным, я —
1) целиком и полностью присоединяюсь;
2) категорически отмежевываюсь.

Примите и пр.

Беспартийный Савелий Октябрьев.

Дяди, двоюродные братья, племянница и прочие родственники Савелия Октябрьева с душевным прискорбием извещают о внезапном прекращении своего сотрудничества в „Крокодиле“ и выражают уважаемому гр. Савелию Октябрьеву свое искреннее соболезнование.

СТАНЦИЯ ЗАГУЛЯЛА

На Октябрьской дороге загуляла целая станция — Тверь.

По всему району Октябрьской дороги прогулы из-за пьянства составляют 93 часа. На Тверь из них приходится 52 часа.

По всей дороге отмечено 32 случая хулиганства, из них в Твери — 21 случай.

Словом, железнодорожники Твери — люди явно не «трезвого» поведения!

ДЕНЬГИ НА ВЕТЕР

Из совхоза Дарбаза (Сыр.-дар. округ) сообщают:

Надоело дирекции ездить на лошадях, купили автомобиль за 4.000 рублей. Проездили три дня, пришлось отдать в ремонт. Пока ремонтируется, купили грузовик, начали гонять туда и сюда, «загоняли» и его и тоже отдали в ремонт. И стоят до сих пор обе машины в ремонте, платятся большие деньги и за ремонт и шоферу...

Чтоб бесхозяйственников отучить
От безобразий такого сорта,
Советую расход подобный относить
На счет «любителей комфорта»!..

НА РЕКАХ ВАВИЛОНСКИХ

Днепровские водники через «Крокодил» стяжали себе громкую славу.

Не так давно к их подвигам прибавился еще один.

20 июля на всех пристанях Днепровского бассейна была отменена погрузка. Оказывается, по случаю воскресенья!

— Нам все говорят: «Бога-то хоть вы побоялись бы!» Ну, мы и побоялись, — объясняют свой поступок днепровские водники.

ОТЛИЧИЛИСЬ

Киевская верфь всегда впереди! Весной она объявила себя ударной. Громче всех кричала «ура!»

А уже к лету заняла первое место... на черной доске за срыв промфинплана.

— Все-таки первое место! — начинают работники верфи, — не ударили лицом в грязь!

Верфь следовало бы из судостроительной переименовать в судостроительную, так как суд над ней, несомненно, будет устроен.

ДОРОГОЙ ТАЛЫК

Учреждениям и организациям, имеющих дело с клеем, советуем быть осторожными...

Влипнуть легко.

Вот Красносельская фабрика Мосдрева, например, не выкупила с железнодорожных складов 3.000 килограммов клея в течение целого месяца, срывая разгрузку других товаров.

Когда заводоуправление взяли за это дело на цугундер оно даже обидеться попыталось:

— А чем мы, собственно говоря, хуже других людей?.. Держит же Строймпорт и Мельстрой двигатели и машины на складах по три месяца? А деревообделочный завод № 2 продержал ведь 3.000 килограммов проволоки в железнодорожных пакгаузах?!!

Совсем грустный случай приключился с Коопхимжиром.

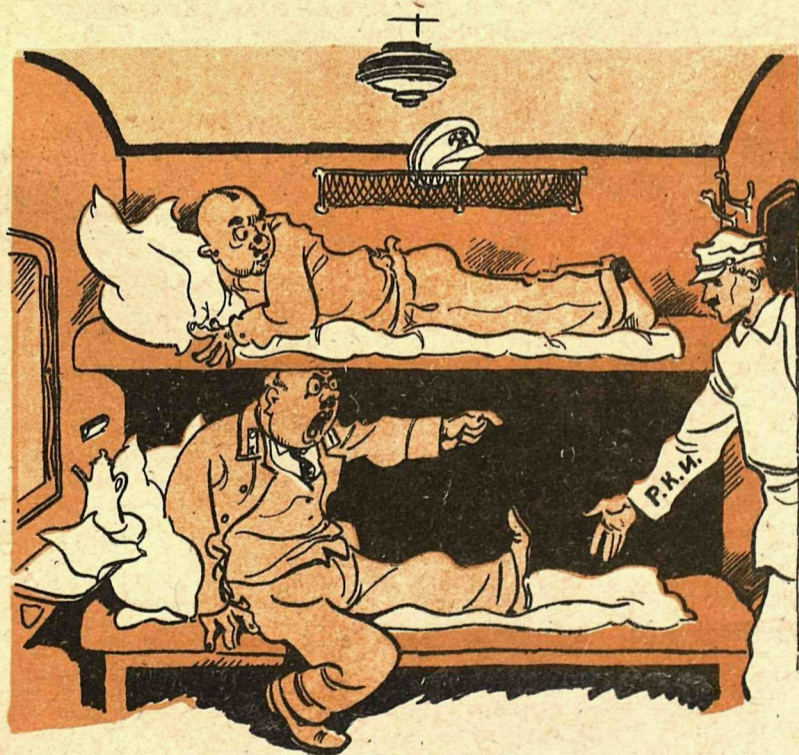
Он умудрился промариновать на складах вагон талыка, стоимостью в 600 руб., так долго, что за одно только хранение груза пришлось уплатить... 1.200 рублей.

Грудные младенцы категорически откажутся присыпаться столь дорогим талыком.

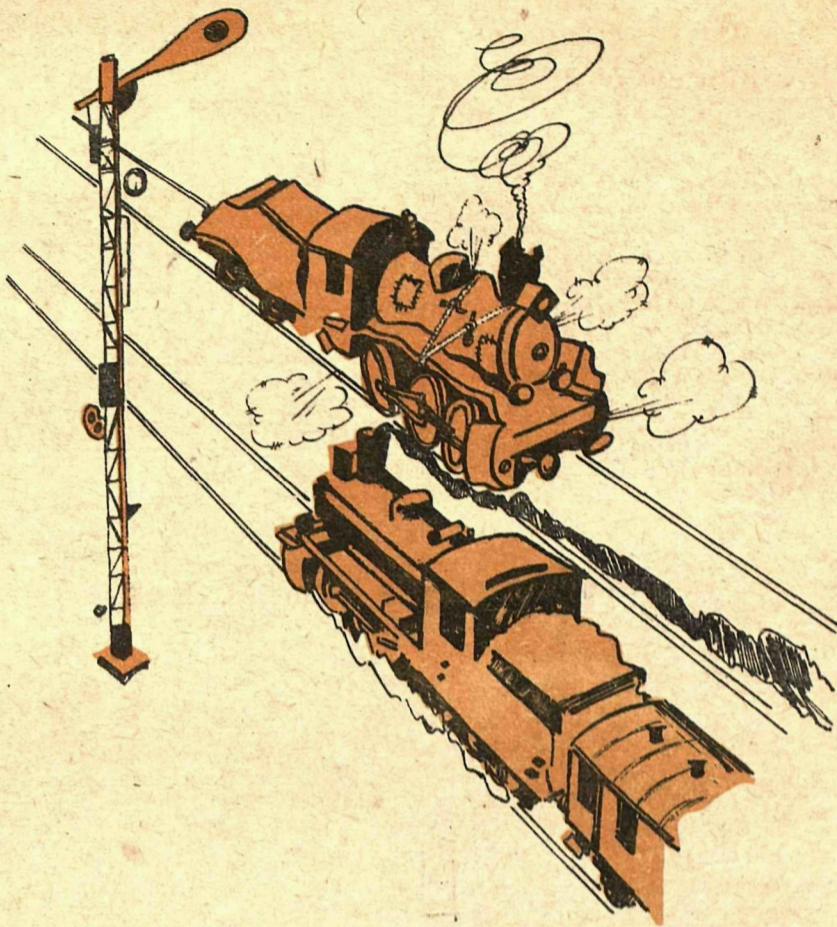
Придется коопхимжировцам самим себе присыпки делать...

В СЛУЖЕБНОМ ВАГОНЕ

Рис. П. Б.



— Товарищ, мы контролю не подлежим.
— Да! Но я рабочий контроль!



— Где же это тебя так отделали? Крушение, что ли, было?
— Нет, какой там! Из среднего ремонта иду...

ОРЕХОВО-ЛАКИНО

ОТХОДИТ автобус от станции в 9 с половиной, но уже в 8 приходит старичок с корзинкой и занимает наблюдательный пункт у ящика для мусора

Через десять минут приходят еще две гражданки и молодой человек с радиоприемником в руках.

К половине девятого на остановке уже человек двадцать. Пришедшие вперед начинают волноваться:

— Этак, как придет автобус, все не сядем. Очередь надо, граждане!

Гражданин с портфелем вынимает блокнот и предлагает записываться.

— Ну, кто первый?

— Дементьеву, батюшка, пиши, — говорит женщина с подвязанной щекой.

— Как Дементьеву? — вспыхивает старичок с корзинкой. — Да я еще допреж всех пришел. Дементьеву?! Совесть надо знать, а не Дементьеву! Паршина, гражданин, пиши, меня, то-есть.

В спор вступает обладатель радиоприемника.

— Ты, отец, не торопись. Я с гражданками прежде всех пришел, — нас и запишут первыми.

Поднимается гвалт. Старичок с корзинкой топает ногами и напирает на Дементьеву. Та машет руками и визгливо кричит:

— И што ты еще! Старый чорт! Да пишишь, куда хочешь. Што ты на меня корзинкой-то машешь?! Я тоже махну!

Из толпы несутся крики:

— Старый, а вредный какой.

— Песок сыплется, а туда же с корзинкой.

Гражданин с портфелем, взобравшись на крыльцо вокзала, пробует восстановить порядок.

— Товарищи! Записываю в порядке живой очереди. Никаких претензий, а то провороним и автобус.

Очередь устанавливается. Лист написан. В порядке номеров все пять-

десять человек выстраиваются в линию. Задние, рискующие не попасть на автобус, ревниво следят за стоящими впереди и женщину, вышедшую из очереди, не пускают назад.

— В хвост иди. Мы не знаем, стояла или нет.

Та бледнеет.

— Да што вы! Вот вам истинный. За этим вот все время стояла. Только доветру вышла.

Помогает парикмахер.

— Да ты под каким номером-то? Поди спросись. И становись на свое место. Тут уж без обману.

Половина десятого. Очередь в большом волнении. Старичок с корзинкой стоит первым и слезящимися глазами гадит на угол, где должен показаться автобус.

— Идет!

Вулканический толчок сотрясает очередь. Старичок в испуге роняет корзинку. Автобус круто тормозит.

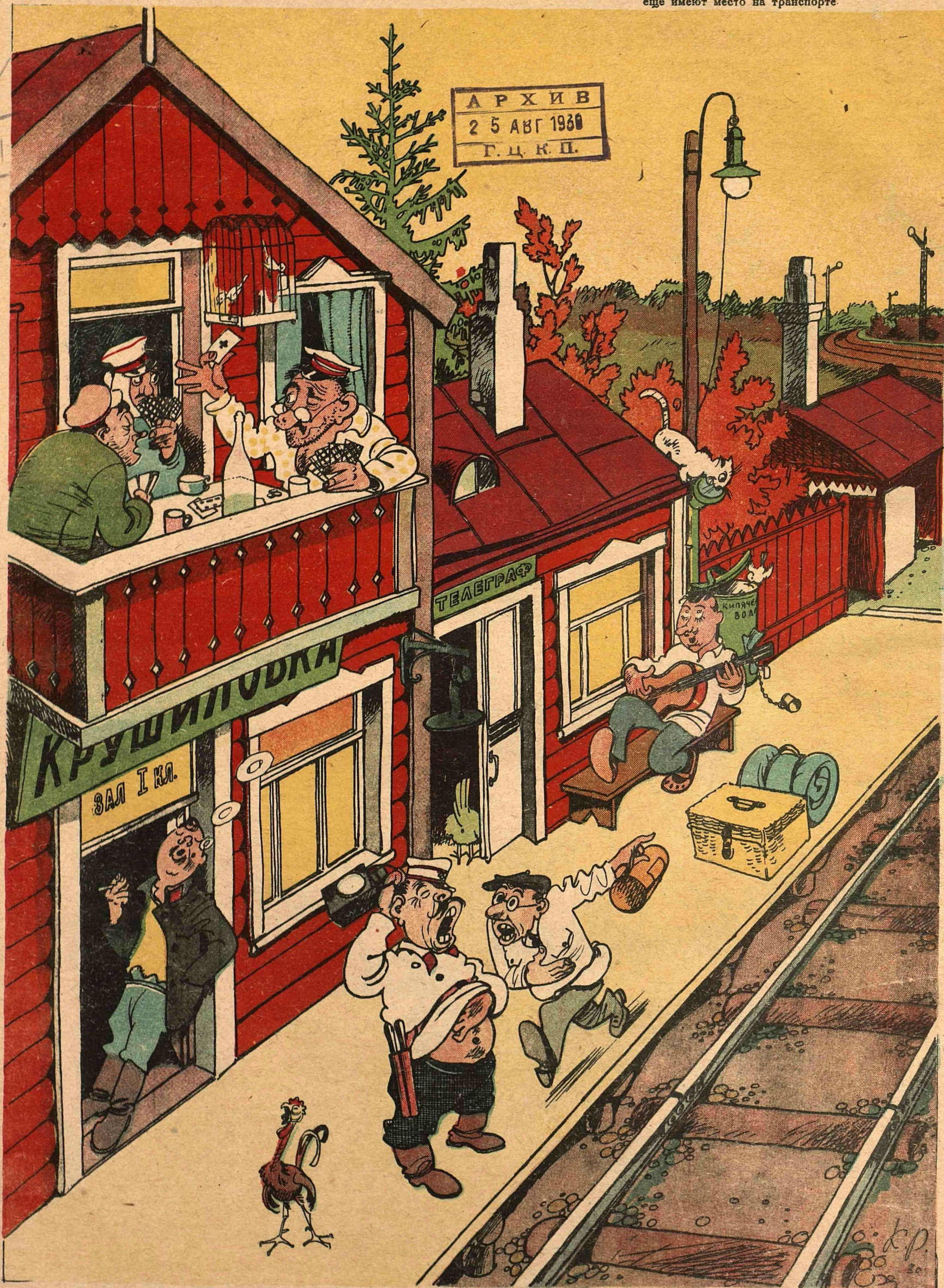
— Граждане, — начинает портфель.

Напрасно! Задние рвут очередь, и в одно мгновение у автобуса начинается давка. Красный и потный гражданин с портфелем напрасно трясет разорванным листом. Его никто не слушает. Как пробка в бутылку, вдавливаются в узкую дверь тела. Охи, ругань. Старичок с корзинкой пробует пролезть между ручкой и девочкой в пионерском галстуке.

Трещит чье-то рвущееся платье. Парикмахер подсаживает в окно Дементьеву, но та каждый раз срывается и вываливается назад. Посадка идет. Злополучный лист валется у мусорного ящика, а его автор повис где-то около выходной двери. Через пять минут автобус набит до опасности треснуть вдоль и поперек.

Вой гудка, — и за углом скрываются приплюснутые к заднему стеклу бледные лица. Ложится пыль на том месте, где был автобус. У столба валяются радиотрубка и дно от корзинки.

Эрг.



— Товарищ дежурный, у вас целый эшелон картошки гниет!..
 — Картошка?! Вот, чудак... Это — капуста. Сразу видать — не спец...